

Глава 1

Не о таком начале новой жизни я мечтала.

Я сидела в машине перед домом родителей и под шепот работающего двигателя обдумывала свою жизнь.

Когда мой — теперь уже *бывший* — муж заявил, что хочет развестись, вряд ли он ожидал, что я воскликну: «Отлично!» Вряд ли он думал, что я сразу же начну собирать вещи. А когда в ответ на его «разрешение» остаться в доме, пока не придет время продать его, я обиженно надула губы, он точно растерялся.

Мой муж встретил другую. Очевидно, кого-то, с кем у него было больше общего, чем со мной. Кого-то, у кого были схожие жизненные цели и кто любил держаться за руки, как делали мы когда-то.

Я сказала мужу: надеюсь, что его избранница молода, потому что, если она моего возраста — осторожно перебирается через отметку в сорок лет — и хотя бы раз состояла в отношениях, она сбежит, как только узнает, что ее

К. Ф. Брин

новый возлюбленный любит носить глаженные трусы. Только странные парни гладят свои трусы, но лишь самовлюбленные, избалованные придурки заставляют своих жен гладить белье, а потом недовольно разглядывают заломы на ткани.

Наши пути разошлись, потому что я устала поддерживать мужа во всех его начинаниях, но при этом не иметь возможности сделать хоть что-то для себя. Где-то в семейной жизни, между готовкой, уборкой, глажкой, застиланием постельного белья, сменой подгузников, работой, оплатой счетов, готовкой — упс, про готовку я уже говорила, — я задумалась, когда начнется *моя* жизнь. Когда я покажу, на что способна, и добьюсь успеха. Когда меня оценят по заслугам и перестанут смотреть свысока из-за грязной ванной.

Эта унылая жизнь меня не устраивала.

Мэтт сделал мне одолжение, отпустив меня. Он сам подтолкнул меня к свободе. Теперь, когда наш сын поступил в колледж и причин оставаться в городе не было, я наконец могла отправиться навстречу приключениям. Начать жизнь, главную роль в которой играет женщина, а не мужчина.

Я посмотрела на дом родителей. То, что я в своей голове обозначила как старт моего путешествия, нужно было еще раз как следует обдумать.

Я припарковала свою старенькую «Хонду» и выключила двигатель.

Неужели я это делаю? В сорок лет вернулась к родителям, в городок чуть севернее Лос-Анджелеса. О чем я *думала*?

Но я знала о чем. У меня были деньги после развода, но не было дома, работы и понимания, где я все это найду. Мой сын не хотел, чтобы я переехала к нему на Восточное побережье, где был его колледж, — еще одно облегчение, потому что мне не хотелось проводить выходные за стиркой его одежды. Я устала от Лос-Анджелеса. Мне хотелось переехать в новый город, но было бы глупо тратить деньги на отели, пока я не определюсь, чем заниматься дальше. Вот почему я согласилась на предложение мамы немного потусоваться у них.

Потусоваться? Мне что, двадцать?

Женщины среднего возраста не тусуются. Если только тусовка не предполагает литры вина и хитрые ступеньки, которые ходят волнами под каблуками.

Я медленно вышла из машины, оглядывая дом своих родителей. Он был цвета весенней грязи, гвозди, торчавшие из обшивки, словно пытались спастись бегством, и хотя газон был идеально подстрижен, его окружали заросшие кусты, а на покрытой листьями земле лежало несколько ржавых колес. Сложно представить более странную картину.

Дом, милый дом.

Я вытащила несколько чемоданов из багажника и направилась к входной двери. В голове играл похоронный марш. Старенький «Джип Вагонер» и еще более древний грузовик стояли у гаража,

К. Ф. Брин

оба я помнила еще с детства. Они по-прежнему входили в «список дел» моего папы. Он собирался починить джип, а это было непросто, учитывая, что крыша прогнила ко всем чертям, разноцветная деревянная обшивка выпцвела, а сорняки буквально росли сквозь пол. Из грузовика папа собирался сделать мусоровоз («вот увидишь!»). Заменить двигатель, снять заднюю часть и поставить вместо нее опрокидной контейнер («легкотня!»). В гараже уже валялось с десятков двигателей. На полу. Новый дом для крыс...

Крыльцо, отчаянно нуждавшееся в новых половицах, закрипело под моим весом. Дверь с красивым витражным стеклом, когда-то выкрашенную в темно-коричневый цвет, теперь украшали глубокие царапины, оставленные последней собакой на месте ее собственного дверного звонка. Кто-то закрасил их краской светло-горчичного оттенка, отличавшейся от первоначального цвета красного дерева. К счастью, прекрасное витражное стекло по-прежнему было на месте.

— Эй! — крикнула я, войдя в дом.

На меня уставились две пары блестящих черных глаз — на меня смотрели олени головы, висевшие на стене по обе стороны картины с оленем.

Телевизор гремел, шум наполнял гостиную. Мой отец сидел в своем кресле, сунув руку под резинку спортивных штанов и опустив подбородок на грудь. На экране стремительно мелькали автомобили. Наверное, папа смотрел гонку и задремал.

Поморщившись, я пошла дальше. Положила вещи, закрыла дверь и направилась на кухню — первое место, где всегда можно было найти мою мать. Она стояла у раковины. Ее желтые резиновые перчатки были покрыты пеной. В ушах у мамы были наушники, а из заднего кармана джинсов торчал телефон.

— Привет, мам, — громко сказала я, пытаюсь перекричать рев телевизора в другой комнате. Родители построили дом с открытой планировкой. Стена отделяла кухню от гостиной, но места было предостаточно, и звук заполнял все пространство.

— Мама! — крикнула я. Я постучала по старым плиткам кремового цвета, которыми были отделаны стены.

Это не помогло.

Я подошла ближе. Мама трясла головой под музыку и с удовольствием терла сковородку.

— Мам, — повторила я, на этот раз дотронувшись до ее плеча.

Она подпрыгнула, вскрикнула и выронила сковородку. Та с грохотом упала в раковину, окатив маму брызгами. Она с диким взглядом обернулась и замахнулась рукой.

Не просто повернулась.

Не отпрянула в испуге.

А *замахнулась* рукой. Как будто эта семидесятилетняя женщина собиралась прибить меня на месте!

— Ах, Джесси, это ты! — Безумного взгляда как не бывало. На лице мамы появилась улыбка. Она убрала наушники. — Как ты добралась?

К. Ф. Брин

От ее объятий в мокрых перчатках у меня промокла рубашка.

— Марта, что ты там делаешь? — крикнул папа. — Гонка уже началась. Я ничего не слышу.

Мама закатила глаза и не ответила.

— Дай мне домыть посуду, и я покажу тебе твою комнату, — сказала она, кивнув в сторону раковины.

Я окинула взглядом загруженную посудой сушилку над раковиной... и посудомоечную машину под ней.

— У тебя есть посудомоечная машинка. Почему ты моешь все руками?

— Твой отец никогда не хотел переплачивать за электричество, помнишь? — Мама отвернулась и принялась за работу. — Я всегда мыла посуду руками. Но когда я вышла на пенсию, мне надоели домашние дела. Отец почти ничего не зарабатывает. Он тебе говорил? Перебивается редкими заработками. Не знаю, почему он не выйдет на пенсию. В общем, мы живем на мою пенсию. Знаешь, что я решила? Если я хочу упростить свою жизнь, я это заслужила. — Мама решительно кивнула. — Но посудомойка была такой старой, что сломалась после второй порции посуды. — Мама вздохнула. — Поэтому я отправилась в «Товары для дома». Ты ведь знаешь этот магазин? С зеленым навесом?

Мама внимательно посмотрела на меня, поэтому я кивнула, хотя не представляла, о чем она говорит.

— В общем, я купила лучшую посудомойку, — заявила она. — Самую навороченную. Она стоила целое состояние, но знаешь что? К черту все. Твой отец ничего не скажет, потому что потратил все деньги на новый двигатель. Вот так.

— Хорошо... — Я облокотилась на столешницу. — И где она?

— Привезут в четверг. Ох, неужели я забуду о грязных тарелках? Наконец-то я смогу закрыться в своей комнате для шитья. Тут я сама себя не слышу.

— Классно. Я могу пойти в... свою старую комнату, да?

— Подожди. Будешь пиво? — Мама замерла и начала отряхивать руки от мыльной воды. Белые пузырьки блестели на ее желтых перчатках.

— Конечно, — ответила я, потому что так в этом доме было принято. Всем гостям предлагалось пиво. Что еще мне оставалось делать? Передо мной лежало неизведанное будущее. Стоило лишь набраться храбрости и шагнуть в него.

С одной бутылкой пива в животе и другой в руках я проследовала за мамой в свою комнату. Папа до сих пор не знал о моем прибытии, зато вся посуда была вымыта, вытерта и расставлена по местам.

Я не понимала, зачем мама вызвалась сопровождать меня. Мы с Мэттом и Джимми

К. Ф. Брин

столько раз приезжали к родителям по праздникам и всегда ночевали в моей детской комнате. Но теперь мама зачем-то захотела отвести меня туда. Это было подозрительно.

Мы шли по потрепанному красновато-коричневому ковру, давно мечтавшему отправиться на свалку и там спокойно умереть. Мама начала красить стену в цвет детской неожиданности, но не закончила. Возможно, надеялась, что папа возьмет лестницу и докрасит верх. Очевидно, машины из списка дел папы не убедили ее. Теперь стена напоминала зебру в полосках из какашек. Белые полосы чередовались с коричневыми, но никто не обращал на это внимания.

Кстати, красивая картина, которую я подарила родителям три года назад, стояла на полу у потертой стены напротив гостиной.

Что ж, с годовщиной.

— Мам, я знаю, где моя комната, — сказала я, когда мы проходили мимо кладовки, в которой до сих пор не было двери, хотя папа построил дом тридцать лет назад.

— Да, но я сшила новое одеяло и хочу убедиться, что все в порядке, — ответила мама.

— Все хорошо, ма, клянусь... — Я замолчала, остановившись на пороге комнаты. На двухспальной кровати лежало плотное одеяло бирюзового и коричневого цвета. Комната была завалена книгами.

— Очень... мило. А что это за книги?

— Правда? — Просияв, мама подбежала к кровати и приподняла край покрывала.

Оно напоминало кусок фанеры. — Я как раз увлеклась стегаными вещами. Эта комната — единственное место, где я могу спрятаться от жары.

Я посмотрела на открытые окна, через которые в комнату проникал прохладный осенний воздух.

— Вот как?

— Да! Твой отец так растолстел. Наверное, ты скажешь, что ему и так тепло, но на самом деле дом похож на печку. — Мама фыркнула. — Я нашла несколько красивых тканей для одеял в местном магазине. Я кладу в них побольше набивки, чтобы они были потеплее.

Я задумалась о комичности всей ситуации, но решила сменить тему и обсудить перемены в комнате.

— Что здесь произошло? — спросила я. — Что это?

Помимо стопок книг, которыми были завалены все поверхности, включая пол рядом с кроватью, в углу лежала странная гора меха.

— Ах, это. Твой папа пристрелил лося в прошлом году, но он оказался слишком маленьким, чтобы повесить его голову рядом с оленями, поэтому он оставил только шкуру. Это ужасно. Как называлось то индейское племя, которое снимало скальп с людей?

Я уставилась на нее, в страхе ожидая, что она скажет дальше.

— Тогда белые были в ужасе. Какое варварство — снимать скальп с людей, говорили они. А теперь посмотри на это! Твой отец отрезает

К. Ф. Брин

головы животным и вешает их на стены, а когда головы выглядят недостаточно красиво, он забирает шкуры этих несчастных. Кто теперь варвар?

Мама поджала губы и начала разбирать постель.

Я хотела промолчать, но не выдержала.

— Почему она просто валяется в углу?

— Он хочет повесить ее где-нибудь.

— Но... разве вы не складываете папин хлам в старой комнате Криса?

Не только я возвращалась домой — мой брат Крис жил здесь несколько лет назад после тяжелого расставания. Но обстановка заставила его сбежать не только из дома, но и из штата. Теперь он счастливо живет на Восточном побережье, подальше от хлама.

— Там мужская берлога. Отец свалил там уже столько всякого барахла, что боится потерять в нем этот драгоценный лосиный скальп, — ответила мама.

Я не стала уточнять, что с туши снимают шкуру, а не скальп. Вряд ли ей было интересно.

— Хм-м-м. Тебе нужен шкаф? Просто... — Мама распахнула грязно-коричневые дверцы шкафа, за которыми скрывалась ее одежда и обувь.

Я никогда не замечала, какое в этом доме было многообразие оттенков коричневого. Родители словно выбирали цвета из фекальной палитры.

У меня на лбу выступил пот. Желание сбежать было огромным.

— Почему ты хранишь вещи в моем шкафу? Почему не в своем?

— В своем шкафу я храню старую одежду, которую больше не ношу. — Мама убрала несколько вещей, освободив вешалки. — Ну вот. Тебе должно хватить. Ты все равно носишь одни толстовки. Их не нужно вешать. Они могут полежать в чемодане.

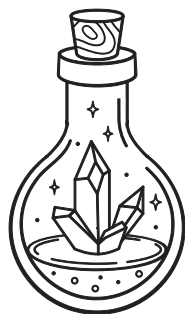
Я не стала спрашивать, что случилось с моим старым комодом. Его все равно здесь не было.

— Да, хорошо, — ответила я, внезапно почувствовав жуткую усталость.

— Будешь еще пиво?

— Да, неси. Пусть льется рекой — утром, днем и вечером. Обожаю пиво.

Глава 2

На следующее утро я, моргнув, уставилась на Брэда Питта, его длинные волосы и легкую усмешку. Из-под расстегнутой рубашки слегка выглядывала грудь. В нижнем углу постера было написано: «Легенды осени».

Моя мать нередко спала в этой комнате из-за папиного храпа, но так и не удосужилась снять старый плакат с горячим парнем? Брэд Питт уже перестал быть таким горячим. Конечно, он по-прежнему оставался красивчиком, но ведь он изменил малышке Дженнифер, вел себя паршиво с Анджелиной. Заставил ее выйти за него, чтобы позже развестись и вернуться к Дженнифер...

Девушки зависели от него и носились с ним, словно жуки с комочком навоза.

Брэд не заслуживал оставаться на моем потолке. Это была лишь подростковая влюбленность. Его любила девочка, которая еще ни разу не была в отношениях и не превращала их в катастрофу — и не напивалась, пере-

ворачивая мебель и невнятно ругаясь матом, пока ее выводили из клуба.

Теперь я стала старше. Мудрее. Хватит верить смазливym лицам. Пусть это останется в прошлом.

Брэду придется уйти.

Я встала на матрас и потянула за край постера. Лицо Брэда разрезало надвое. Но скотч держался намертво.

— Черт... — Я схватила другую половину постера и потянула вниз. Обрывки бумаги остались во всех уголках. Глаз Брэда смотрел на меня с маленького уцелевшего обрывка постера. — Фу. Исчезни, Брэд!

Я ухватила за последний кусочек, оторвала его и, нахмурившись, уставилась на оставшиеся обрывки.

На что я приклеила постер? Вечный клей?

Смяв плакат, я хотела спрыгнуть на пол, как делала в юности. Конечно, тогда у меня были колени восемнадцатилетней девочки и я весила в два раза меньше. Если я прыгну сейчас, мои колени, скорее всего, выгнутся в другую сторону, и я упаду в них лицом.

Я осторожно села на матрас, поставила ноги на выцветший коричневый ковер и встала.

Мой телефон звенел, пока я спускалась на кухню. Мэтт спрашивал, готовы ли документы на наш старый дом.

— Да, я в порядке, спасибо. Лучше и быть не может, — пробормотала я, снова обнаружив маму у раковины.

К. Ф. Брин

По выходным она обычно готовила большой завтрак, но сегодня был вторник, поэтому она поставила на стол коробку с хлопьями, молоко и тарелку для папы. Поскольку тарелка была пустой, но грязной, я решила, что он позавтракал и скоро уйдет на работу. Или возиться с машинами из своего списка дел.

Но пока я стояла на пороге кухни, раздался звук смыва унитаза. Значит, папа там.

Я направилась к туалету, как вдруг дверь распахнулась и я увидела слишком много голой кожи.

— Какого... — Я закрыла глаза и резко отвернулась.

— Леди не ругаются, — неодобрительно сказал мой отец, хотя я еще не добралась до ругательств.

— Отцы не разгуливают по дому голышом, когда к ним приезжают их взрослые дочери! Что ты делаешь?

Моя мать вышла из кухни и сняла наушники.

— Что случи... О боже, Пит, *немедленно оденься!* — Она вздохнула и сочувственно покачала головой. — Два месяца назад он решил, что одежда по утрам вызывает у него тревогу.

— Я не говорил, что она вызывает у меня тревогу! Я сказал, что одежда мешает утренней циркуляции крови в моих *бегониях*, и из-за этого я чувствую какое-то сдавливание в груди, вот и все. Кровь плохо циркулирует.

— Тревога, — недовольно повторила мама.